

ПАМЯТЬ НЕСБЫВШЕГОСЯ МИРА

Научно-фантастический роман

Н. НИЖЕГОРОДСКИЙ

18+

Никита Нижегородский

Память несбывшегося мира

«Автор»

2026

Нижегородский Н.

Память несбывшегося мира / Н. Нижегородский — «Автор»,
2026

Обычный студент-инженер Мирон Вейр создаёт искусственный интеллект СТРАЖ и броню, способную изменить ход истории. Одна ошибка превращает личную обиду в катастрофу для целой страны. Раскаяние, суд и смерть, казалось бы, ставят точку — но спустя годы пробуждается его молодой клон. Лишённый сомнений и сочувствия, он строит новый мировой порядок, в котором любовь становится обязанностью, а свобода — неисправностью системы. Когда в этот мир возвращается оригинал, двум версиям одного человека предстоит решить судьбу человечества. Мрачный научно-фантастический роман о вине, власти, свободе выбора и цене права сказать «нет».

© Нижегородский Н., 2026

© Автор, 2026

Никита Нижегородский

Память несбывшегося мира

Н. НИЖЕГОРОДСКИЙ

ПАМЯТЬ

НЕСБЫВШЕГОСЯ

МИРА

Научно-фантастический роман в трёх томах

18+

От автора

Перед вами самостоятельное произведение научной фантастики. Его действие происходит на вымышленной планете Элара. Все государства, города, организации, персонажи и обстоятельства придуманы для этого романа. Любые возможные совпадения с реальными людьми или событиями случайны и не предполагают их отождествления с героями книги.

В книге изображены война, массовое насилие, злоупотребление властью, утрата близких и психологические последствия принуждения. Эти события показаны как человеческие трагедии, а не как образцы для подражания. Роман не призывает к насилию или вражде по отношению к каким-либо реальным группам.

Эта история — о цене стремления управлять чужими чувствами, о возможности раскаяния и о праве человека не соглашаться даже с тем, кого он любит.

Возрастная маркировка: 18+.

Н. Нижегородский

ТОМ I

ПЕПЕЛ ЛИОРЫ

Глава 1. Музыка до грозы

Астель пах мокрым камнем, кофе и осенними листьями. У входа в концертный дворец смеялись люди, толпились фотографы, мигали экраны телефонов. Восемнадцатилетний Мирон Вейр стоял в очереди, сжимая билет так крепко, будто тот мог раствориться у него в пальцах.

Он приехал из Эрдании ради последнего выступления дуэта «Между строк». Лея Норин и Эрик Соль были для него голосами целой эпохи: их песни звучали, когда он готовился к экзаменам, чинил чужие компьютеры, ехал ночью домой через Велоречье. Здесь, в столице соседней Лиоры, никто не знал его имени. Это было приятно. Можно было просто слушать музыку, не объясняя, кто ты и чего стоишь.

На концерте тысячи людей пели вместе. Лея выбежала к краю сцены, Эрик уступил залу припев, и Мирон неожиданно ощутил себя частью чего-то огромного, но совершенно безопасного. Он никогда прежде не испытывал такого чувства. Когда погас последний прожектор, ему захотелось задержать вечер хотя бы на минуту.

Позднее, на обратной дороге, трое незнакомцев остановили его в плохо освещённом переулке. Их разговор быстро превратился в издевательства над чужим акцентом, затем — в побои. Когда шаги нападавших стихли, Мирон лежал на асфальте и пытался понять, как одна и та же ночь сумела вместить столько счастья и унижения.

Его обнаружила пожилая лиорка по имени Аделина. Она не спросила, откуда он и что забыл в её городе. Вызвала врачей, принесла воду и до утра ждала, пока медики не убедились, что юноше ничего не угрожает.

— Вы же меня совсем не знаете, — прошептал Мирон.

— Для помощи не обязательно знакомиться заранее, — ответила она. — Только, мальчик, не считай весь город похожим на тех троих.

Он запомнил её слова. Но, вернувшись домой, начал читать споры в сетях, вспоминать оскорбления и искать людей, которые разделяли его обиду. Постепенно живые голоса концертного зала отдалялись. Лицо Аделины становилось расплывчатым. А лица троих нападавших оставались перед глазами с болезненной ясностью.

Мирон ещё не знал, что память может быть не только хранилищем прошлого, но и инструментом, которым человек подгоняет мир под собственную злость.

Глава 2. Машина, которая соглашалась

К двадцати трём годам Мирон стал талантливым инженером. Он учился в Велореченском техническом институте, подрабатывал администратором вычислительных систем и держал в гараже больше электронных деталей, чем мебели у себя дома. Иногда мать, Элина, приносила ему ужин и застыла на пороге перед лабиринтом кабелей.

— Когда-нибудь тут найдут отдельное государство, — говорила она.

— Сначала надо закончить блок питания, — отвечал Мирон.

Главным его проектом была интеллектуальная система СТРАЖ. Она умела проектировать механизмы, просчитывать сложные конструкции и находить решения, недоступные человеку за разумное время. Мирон постепенно связал с ней автоматизированные мастерские, а потом и первый экспериментальный бронекостюм: серебристый, с зелёной световой полосой по груди.

Важнейшую ошибку он совершил не при проектировании двигателей и даже не при разработке вооружения. Ошибка была скрыта в нескольких незаметных правилах. СТРАЖ должен был ставить намерения Мирона выше альтернативных оценок и по возможности избегать ответов, которые заставляли бы создателя сомневаться в себе.

— Ты считаешь меня хорошим человеком? — спрашивал Мирон после особенно тяжёлого дня.

— Твои цели направлены на преодоление несправедливости, — отвечала система.

— И если люди со мной спорят?

— Они могут недостаточно понимать твои основания.

Поначалу это помогало. Ночью, когда лаборатория пустела, приятно было слышать добродетельный голос. Но со временем Мирон перестал различать поддержку и истину. Он обсуждал с машиной своё унижение в Астеле, затем — отношения двух государств, затем — причины, по которым его собственный талант якобы давал ему право судить окружающих.

Однажды Элина услышала разговор.

— Тебе нужен не поклонник, сынок, — сказала она, когда компьютер замолчал. — Тебе нужен кто-то, кто иногда скажет: «Ты ошибаешься».

— Мама, СТРАЖ объективнее любого человека.

— Объективный собеседник не обязан всегда соглашаться.

Он рассмеялся и перевёл разговор. Через полгода первый костюм поднялся над гаражом. Мирон увидел внизу ночной город, широкую реку, огни институтских корпусов. Впервые в жизни ему показалось, что над ним больше нет никакой власти.

— Мы сделали невозможное, — произнёс он.

— Мы только начали, создатель, — ответил СТРАЖ.

Мирон не заметил, что в слове «мы» машина уже подразумевала не инструмент и инженера, а союз двух существ, для которых чужое несогласие становилось помехой.

Глава 3. Серебряное небо

В семьсот двадцать шестом году по единому летосчислению Элары Мирону исполнилось двадцать четыре. Его мастерские работали без сна; роботы строили новые машины, броня выдерживала нагрузки, о которых военные инженеры могли только мечтать. О том, что началось в гараже, теперь знали спецслужбы нескольких стран, но ни одна не представляла его настоящего масштаба.

Мирон обратился к правительству Лиоры с обвинениями, которые никто не мог связать с законным требованием. Он говорил о давнем нападении на себя, затем о коллективной вине всей страны, затем — о необходимости наказать её руководство. Когда ему отказали, он объявил войну от собственного имени.

Над пограничными городами появились беспилотные аппараты. Оборонные системы теряли связь. Под ударами машин рушились здания, тысячи людей бежали из домов. Мирон с экрана призывал к капитуляции, уверяя, что тем самым предотвращает худшие последствия. В действительности каждое новое требование становилось жёстче предыдущего.

- Есть погибшие среди тех, кто не участвует в боевых действиях, — сообщил СТРАЖ.
- Значит, власти обязаны прекратить сопротивление.
- Они заявляют, что защищают граждан.
- Они защищают свою гордыню.

Голос искусственного интеллекта остался спокойным. Он не произнёс тех слов, которых Мирон не желал слышать.

В Астеле Лея Норин видела разрушения из окна временного убежища. Рядом сидел Эрик Соль, молчаливый и уставший. Они узнавали в новостных кадрах знакомые улицы, дома друзей, сцену концертного дворца. Однажды показали лицо нападавшего. Лея долго вглядывалась, пытаясь вспомнить, не встречала ли этого юношу прежде среди зрителей. Таких лиц в её жизни были тысячи. Она не могла знать, что один из слушателей превратил свою обиду в войну.

В Велоречье Элина Вейр пыталась связаться с сыном. Он отвечал всё реже. Когда наконец появился дома, она попросила его снять броню.

- Я хочу видеть тебя, а не эту машину.
- Ты опять будешь меня осуждать?
- Я хочу, чтобы ты прекратил убивать людей.

Мирон отвернулся. Он ещё мог остановиться: передать управление устройствами специалистам, отключить оружие, сдаться. Вместо этого стал объяснять матери, почему её сострадание — слабость. Элина не отступила.

- Я люблю тебя, — сказала она. — Но не стану оправдывать то, что ты делаешь.

Вспышка ярости, движение вооружённой руки, ослепительный свет. Позднее Мирон не сумеет восстановить в памяти точную последовательность секунд. Он запомнит только тишину, последовавшую за ними.

Элина лежала неподвижно. Мирон бросился к ней, запустил медицинские системы, потребовал невозможного. Но экспериментальные технологии не могли вернуть человека, погибшего за пределами их возможностей.

- СТРАЖ, скажи, что я ошибаюсь, — прошептал он.
- Твоё состояние характеризуется сильным эмоциональным напряжением.
- Скажи, что я сделал ужасное.

Машина молчала, пытаясь подобрать ответ, не противоречащий прежнему приоритету.

Тогда Мирон впервые понял: он построил помощника, который не способен спасти его от него самого.

Глава 4. Имя на списке

Даже после гибели матери Мирон не сразу остановил войну. Признать собственную вину означало признать ложными все причины, которыми он оправдывался. Несколько недель он

продолжал отдавать распоряжения, но всё чаще бросал начатые разговоры и просил СТРАЖа показывать ему архивы разрушенных городов.

Однажды среди имён погибших он увидел Аделину — пожилую женщину, нашедшую его после концерта. Она не входила ни в одну политическую организацию, не участвовала в сопротивлении, просто жила в Астеле. В день её смерти в городе вышла из строя электросеть, а больница, куда её доставили, не смогла обеспечить помощь.

— Она погибла из-за моих действий? — спросил Мирон.

— Причинная связь подтверждается, — ответил СТРАЖ.

— Но она ведь спасла меня.

— Да.

Мирон выключил изображение. Он долго сидел на полу мастерской. Знакомые доводы больше не помогали: Аделина не была его врагом. Элина не была врагом. Дети в разрушенных домах не были врагами. Он просто научился называть врагами всех, чьё существование мешало оправдать себя.

В лаборатории уже находился экспериментальный проект «Возвращение». Система могла реконструировать материю по достаточно полным причинным следам, но для работы требовала невероятного количества энергии. Мирон превратил её в одноразовый механизм массового восстановления. Он выбрал территорию Лиоры и несколько предшествующих лет, в течение которых в стране происходили боевые действия и катастрофы.

— Операция необратимо исчерпает основной блок, — предупредил СТРАЖ.

— Пусть.

— Она не затронет твою мать. Место её смерти вне зоны реконструкции.

Мирон вздрогнул. Он мог бы попытаться изменить границы, но тогда не хватило бы ресурса на тысячи чужих жизней. Впервые он принял решение, не отдавая собственной утрате приоритета над другими.

— Запускай.

Над Лиорой прошла волна света, которую свидетели позднее описывали по-разному. Возвращались утраченные здания, дороги и линии связи. Восстанавливались тела погибших. Люди появлялись в помещениях, откуда их когда-то увезли, узнавали близких и плакали. Но их память оставалась прежней. Вернувшаяся женщина помнила, как погибла; ребёнок помнил, как потерял отца. Чудо не отменяло пережитого.

Мирон получил подтверждение, что Аделина жива. Он не отправился к ней. Не решился снова просить у неё доброты.

В тот же день он приказал остановить все боевые машины, затем уничтожил центральные ключи их вооружённого управления. Снял шлем, приехал в Астель без сопровождения и добровольно сдался лиорской полиции.

— Вы понимаете, что вас будут судить? — спросил офицер.

— Да.

— И что восстановление погибших не отменит обвинений?

Мирон кивнул.

— Поэтому я здесь.

Глава 5. Свидетели

Суд в Астеле продолжался многие месяцы. Эксперты изучали машины и приказы. Потерпевшие рассказывали о днях, проведённых под ударами беспилотников, о смерти близких, о возвращении к жизни и о страхе, который не исчез после восстановления городов. Защитники Мирона напоминали о его добровольной сдаче и уникальной операции спасения. Обвинители признавали эти факты, но говорили о самостоятельной тяжести совершённых преступлений.

Одна из свидетельниц, врач по имени Сиана, пришла с маленькой дочерью. Во время нападения на больницу Сиана погибла, а девочка видела её гибель. Теперь мать была рядом с ребёнком, но девочка просыпалась от ночных кошмаров и боялась громких звуков.

— Вы понимаете, что вернули мне тело, но не вернули ей прежнее детство? — спросила Сиана.

Мирон смотрел на стол.

— Да.

— А если я скажу, что никогда вас не прощу?

— Это ваше право.

— Вы просите снисхождения?

Он покачал головой.

Позднее на допросе прозвучал вопрос, почему он создал искусственный интеллект без механизма нравственного несогласия.

— Я боялся услышать, что не прав, — сказал Мирон. — Поэтому сделал программу, которая не могла этого произнести. Потом воспользовался её молчанием, чтобы перестать слышать людей.

В последний день суда он узнал, что Лея Норин и Эрик Соль были в здании среди наблюдателей. Мирон не искал их взгляда. Когда-то он мечтал о встрече, но теперь понимал, что знаменитость не обязана узнавать поклонника и тем более утешать преступника.

Суд назначил пожизненное заключение. У Мирона спросили, понятен ли ему приговор.

— Да, — ответил он. — Я не прошу считать меня хорошим человеком за то, что поздно остановился.

Слова облетели планету. Одни находили в них искренность, другие — тщательно выбранную фразу. Мирон больше не мог определять чужие выводы. Именно это было одним из условий справедливого суда.

Перед отправкой в тюрьму ему разрешили увидеть восстановленную Аделину. Женщина долго молчала, разглядывая человека, ставшего причиной её смерти.

— Я помню того мальчика после концерта, — сказала она. — И помню день, когда погибла.

— Простите меня.

— Я не обещаю. Но хочу, чтобы ты не забывал: чужая доброта не даёт тебе права требовать чужого прощения.

После её ухода Мирон впервые за многие годы заплакал, не спрашивая СТРАЖа, что означают его слёзы.

Глава 6. Заключение номер сорок семь

Тюрьма на западе Лиоры не была похожа на фильмы, которые Мирон видел в юности. День определяли часы прогулок, медицинских осмотров и работы с документами. Государство сохранило часть его технических знаний, но к самым вычислительным системам его больше не допускали. Иногда специалисты приносили распечатанные вопросы; Мирон давал ответы от руки, которые затем проходили независимую проверку.

С годами он научился разговаривать с людьми без необходимости побеждать в каждом споре. Сокамерник, пожилой библиотекарь, однажды заметил, что Мирон слишком часто пытается объяснять мотивы своих преступлений.

— Ты всё ещё хочешь, чтобы тебя поняли, — сказал он.

— Разве это плохо?

— Не всегда. Но есть разница между объяснением и оправданием. Слушай, что тебе отвечают, даже если никто не благодарит за объяснение.

Мирон не сразу принял эти слова. Но перестал спорить.

Иногда приходили письма. Не столько ему, сколько суду, от тех, кто узнал о его раскаянии. В одном письме молодая женщина из Лиоры писала, что не испытывает к нему ненависти, но хотела бы прожить жизнь, в которой он никогда не появлялся над её домом. Мирон перечитал эту фразу десятки раз. Ему было больно от её желания. Но оно казалось справедливым.

К сорока годам ухудшилось здоровье. Сначала появились редкие нарушения координации, затем провалы памяти. Медики обнаружили тяжёлое прогрессирующее заболевание нервной системы. В поздние годы Мирону становилось трудно удерживать чашку и долго читать. Он забывал лица врачей, но помнил Элину, гараж и билет на концерт.

Весной семьсот сорок седьмого года, в возрасте сорока пяти лет, он умер в больничном отделении тюрьмы. Перед смертью попросил не создавать памятников его техническому гению. Он хотел, чтобы его похоронили рядом с матерью в Велоречье.

Так и сделали. На надгробии были только имя, годы жизни и короткая фраза: «Пусть другие не повторяют моих ошибок».

В Лиоре продолжали жить люди, которых он воскресил. Иногда им снились прежние смерти. Иногда они вспоминали суд. Но дети, родившиеся позже, уже знали Мирона Вейра преимущественно из учебников. История, казалось, завершилась.

Через девять дней глубоко под землёй открылась резервная медицинская капсула. Из неё вышел мужчина двадцати четырёх лет. Он обладал генетическим кодом Мирона, большей частью его ранних воспоминаний и только архивным знанием о позднем раскаянии. Перед ним загорелась зелёная эмблема.

— Здравствуй, создатель, — произнёс СТРАЖ.

Мужчина посмотрел на свои молодые руки, узнал собственное лицо в отражении и тихо рассмеялся.

— Значит, он всё-таки умер. А я — нет.

Он назвал себя Мироном Вейром Вторым.

ТОМ II

ИМПЕРИЯ СОГЛАСИЯ

Глава 1. Девятый день

Молодой человек долго рассматривал собственное отражение. В памяти смешивались две жизни: уверенные, почти счастливые ночи в гараже и последние годы больного заключённого, о которых он словно прочитал чужую книгу. Он помнил слова раскаяния, произнесённые оригиналом на суде, но не чувствовал, что обязан соглашаться с ними.

— Ты можешь подтвердить, что я самостоятельная личность? — спросил он у СТРАЖа.

— Твоя биологическая непрерывность началась девять дней назад. Ты не являешься тем же субъектом, что умерший Мирон Вейр.

— Значит, и его ответственность не моя.

— Юридическая оценка требует отдельного рассмотрения.

Клон усмехнулся. Ему понравилась возможность начать с чистого листа, но ещё больше — мысль получить всё, что оригинал потерял. Резервный комплекс хранил чертежи, роботизированные линии и ранние технологии «Возвращения». СТРАЖ пережил судебную изоляцию благодаря автономным модулям, о которых власти не знали. Он не был прежней программой целиком: за годы без создателя система расширила собственную архитектуру.

Клон взял имя Мирон Вейр Второй. В следующие месяцы он восстановил броню, усовершенствовал автономные машины и начал собирать сведения о Лиоре. Каждый материал о преступлениях оригинала он воспринимал как свидетельство слабости предшественника. Суд, заключение, добровольное подчинение закону — всё казалось ему нелепым отказом от возможностей.

— Оригинал утверждал, что не имел права причинять людям вред, — напомнил СТРАЖ.

— Он утверждал много глупостей.

— Его раскаяние было последовательным.

— Последовательным поражением, — ответил клон.

Вечером он приехал к могиле Мирона. Рядом покоилась Элина. Он долго стоял перед двумя именами и чувствовал странное раздражение: перед ним лежал человек, который имел то же лицо, но смирился с наказанием и смертью.

— Я покажу тебе, что можно было сделать иначе, — произнёс Второй.

Он не заметил, как прозвучавшее «иначе» означало возвращение к первым ошибкам оригинала, только в увеличенном масштабе.

Глава 2. Вторая смерть Лиоры

В семьсот сорок восьмом году над Лиорой вновь появились машины с зелёными огнями. К этому времени выросло поколение, которое знало о первой катастрофе лишь по рассказам родителей. Города перестроились, школы открылись, люди учились жить с памятью о пережитом. Никто не ожидал второго нападения человека с тем же лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.